Николай ГУБЕНКО:

«В ПРАВЛЕНИИ НЕ ИСКУШЕН»

«Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!»

А. С. Пушкин. «Борис Годунов».

На празднике «Московских новостей», состоявшемся 15 ноября, мое место оказалось рядом с Булатом Окуджавой. Когда газету вышла приветствовать Таганка, Окуджава сказал:

— Приятно видеть министра культуры с гитарой.

Так я узнал, что Николай Губенко, замечательный актер и режиссер, художественный руководитель Театра на Таганке, наш будущий, а теперь уже, после голосования в Верховном Совете, настоящий министр культуры СССР.

Что я вспомнил о Губенко, кроме его ролей и фильмов? Вечер в Политехническом музее, когда прекрасный ленинградский кинодокументалист Слава Виноградов решил собрать двадцать лет спустя героев хуциевского фильма «Застава Ильича». Помните эпизод с поэтами? На сцену вновь поднялся один из пяти участников давнего вечера — Окуджава, а в зале — те же, но постаревшие на двадцать лет лица.

В антракте появились возбужденные таганковцы: Губенко, Боровский, Золотухин, Филатов, Смехов... Юрий Любимов не возвращался домой в Союз из-за обид на руководителей пропаганды и культуры, на запреты спектаклей о Высоцком, можаевского «Живого» и «Бориса Годунова». Театр, грозивший развалиться, предложил свою кандидатуру, способную спасти и сохранить репертуар и коллектив,— Николая Губенко. И он, принося в жертву свои планы актера и кинорежиссера, согласился.

Мы были поражены этим известием.

— Зачем это тебе надо, Коля?— спрашивали друзья.

— Это, простите за пафос, надо не мне. Делу.

Он стал художественным руководителем театра с единственной целью — вернуть Таганке имя, репертуар и Любимова. Два года жизни ушло на это. Теперь он надеялся возвратиться к своим фильмам и новым ролям. В апреле предполагал запустить новую картину как режиссер, и вот:

— Зачем тебе это надо, Коля?— спрашивают друзья, заранее зная ответ.

На него смотрят с сочувствием, любя его, и с надеждой, хорошо его зная. Предложение его кандидатуры выглядит жертвой кресла со стороны аппарата. Не хотели ткачиху, химика, экономиста? Вот вам актер. Насколько корректна, говоря шахматным языком, эта жертва — посмотрим.

Встретившись с Николаем Николаевичем, я решил не мучить его вопросами, а сыграть в «Бориса Годунова». (Этот спектакль я видел дважды: последний прогон перед запрещением и первую генеральную репетицию перед его восстановлением в репертуаре в день возвращения Любимова).

Я не театральный критик, я пристрастен по любви... Монолог, написанный гениальной пушкинской рукой, Губенко играл (или проживал) со страстью человека, сознающего трагизм прожитого и переживаемого страной времени...

Тогда я подумал: получи Губенко реальную власть, любопытно было бы попросить его провести диалог с царем Борисом.

Теперь случай представился. Я взял томик Пушкина.

«Я подданным рожден и
умереть
Мне подданным во мраке
б надлежало»

— В принципе наше поколение с этим давно смирилось,— ответил Николай Губенко.— С рабством смирилась и наша интеллигенция за исключением «отдельных личностей», в которых я, как и Антон Павлович Чехов, верю. Задача в том, чтобы освободить от морального, духовного и материального рабства следующие поколения. Моя святая святых — полнейшее освобождение от силы и лжи. Вот что бы я сделал своей программой, будь я большой художник,— говорил Антон Павлович.

Если удастся продвинуть культурное хозяйство к освобождению от силы и лжи, мы приблизимся к освобождению и от рабства, которое я сам очень хорошо осознаю. Я узнаю его в себе. Оно было очень удобно, не в пример свободе, требующей от человека напряжения, усилия, борьбы.

«Но я достиг верховной
власти... чем?»
Ближняя память действовала и действует, дальнюю отшибали. У нас сейчас склеротическая культура.

Я смотрел проекты музея Высоцкого, достойные брежневского памятника Победы. Зачем Высоцкому, написавшему в стихотворении «Памятник»: «Неужели таким я вам нужен»,

«Я, с давних лет в правленьи
искушенный,
Мог удержать смятенье
и мятеж...
Как управлять ты будешь
под грозой,
Тушить мятеж, опутывать
измену?»

фильм «Если хочешь быть счастливым». До сих пор я испытываю неловкость за уступки «высоким политическим мотивам», которые допустил в сценарии. Помню, картине дали первую категорию. Я сказал министру кино Ермашу, что она недостойна такой оценки. Хорошо, согласился Ермаш, в следующий раз мы тебе снизим. И снизили за фильм, который я люблю,— «Из жизни отдыхающих».

Не знаю, как со стороны, но тот, кто со мной сталкивался, знает, что я человек искренний. Не подлец. Наверное, это дало возможность тем, кто формировал общественное мнение вокруг моей кандидатуры, прийти к такому выбору. Тяжелому для меня.

«О милый сын, не
обольщайся ложью,
Не ослепляй себя ты
добровольно».

— Я не обольщаюсь.. Прекрасно понимаю, что, долгое время разрушая культуру и насаждая неводельные суррогаты, мы подорвали интеллектуальный потенциал многих поколений. Мы обнищали интеллектуально. По сравнению даже с сороковым годом мы на треть сократили гуманитарное образование, по всей видимости, за счет насаждения временных (теперь это очевидно) политических дисциплин. Мы бесхозно относились к памяти. Где эта помпезность? Словно состязание началось искупление недавней вины за казенный счет... А вообще: нет домов-музеев Булгакова, Цветаевой, Платонова. В опасности Ясная Поляна...

Собирают средства на восстановление храма Христа. Миллиарды нужны. Эти деньги использовать бы на те храмы, которые разрушаются на наших глазах, на памятники культуры, которые потом не восстановить. А храм Христа... Может быть, убрав бассейн и найдя археологические следы, оставить как есть — ведь это тоже памятник вандализма нашего времени — или поставить живую часовню... Ежегодно, пока мы страдаем и спорим, гибнет от одного до пяти процентов памятников.

«В дни бурные державу
ты приемлешь».

— Чем дольше мы будем находиться в столбняке от сознания, к чему мы пришли, тем больше будет срок до начала каких-то конкретных дел. Надо делать! Мнения о современном и будущем чрезвычайно разнообразны (не люблю слово «плюрализм»). Если мы не объединимся вокруг общечеловеческих истин — тогда разобщенность и кровопролитие. Вопрос в том, как из общей огромной коммуналки сделать отдельные квартиры, где каждый мог бы строить свою жизнь, как считает нужным, сохраняя и уважая интересы соседей.

— В правлении не искушен. Мятеж удержать не смогу, а предупредить попробую.

Мне хотелось бы поменять художника и чиновника местами. Сегодня чиновник все еще над искусством. Надо сделать место художника определяющим в государственной политике.

Необходимо создать несколько государственных программ с тщательным обсчетом и доведением их до людей. Я не буду их называть наспех. Но замечу, что у нас свыше 20 миллионов семей лишены возможности получать телевизионную информацию, у нас гуманитарно необразованная молодежь, у нас в трагическом положении библиотеки, и положение с главной Библиотекой им. Ленина тревожит меня как гражданина. Мы не имеем права закрывать ее ни на день. Закрыть на четыре-пять лет — это значит отбросить назад в культурном развитии весь народ, и без того интеллектуально обделенный государством.

Культура должна быть законодательно защищена от потребления. Надо решить вопрос об интеллектуальной собственности. Надо совместно с парламентской комиссией выработать государственную политику, ограждающую от истребления не только художника, но и культурные ценности: библиотечный фонд, памятники, народные промыслы...

Как это сделать? Позвольте мне подумать...

А «управлять»? Это слово надо упразднить.

«Советника, во-первых,
избери
Надежного, холодных,
зрелых лет,
Любимого народом — а в
боярах
Почтенного породой или
славой».

— Это счастье, что судьба нам сохранила таких людей, как Дмитрий Сергеевич Лихачев. Такой человек должен быть освобожден от всех обязанностей, кроме одной — думать: как сохранить, что предпочесть, что главное? Полагаю, что главным советником должен быть Фонд культуры во главе с его председателем. И никаких конфронтаций. Советоваться, координировать усилия, выдвигать альтернативные решения — не растаскивать силы в разные стороны.

«Не изменяй теченья дел.
Привычка —
Душа держав...»

— С этим я согласиться не могу. Иначе незачем было бы идти на эту роль. Прежняя державная привычка дурна.

«Я ныне должен был
Восстановить опалы, казни —
можешь
Их отменить».

— Свобода художника от силы и лжи — я повторяю этот чеховский тезис. Иначе нет смысла сажать человека из этой среды на пост министра. Зависимость нищенская, зависимость от государства страшна и для человека искусства. Актер — 68 рублей. Я помню, как с ведущей актрисой театра Зинаидой Славиной мы соседствовали через занавеску в котельной театра с земляным полом. Без прописки. Мы играли по 34 спектакля в месяц... А библиотечные работники — это вообще рыцари на черте бедности.

«Будь милостив, доступен
к иноземцам,
Доверчиво их службу
принимай».

— Это очевидно, тем более что многие наши выдающиеся деятели литературы и искусства сейчас живут за рубежом. Надо сделать максимум для того, чтобы мы стали равноправными участниками мирового культурного процесса. Связи с культурным пластом эмиграции, не только русской, могут помочь нам глубже познать свою культуру и вернуть культурные ценности — книги, звукозаписи, предметы искусства. Надо быть благодарными дарителям, писать в музеях их имена, устраивать выставки в лучших залах.

« Со строгостью храни устав
церковный »

— Мой устав — совесть. Наверное, так.

«Будь молчалив; не должен
царский голос
На воздухе теряться по
пустому;
Как звон святой, он должен
лишь вещать
Велику скорбь или великий
праздник».

— Разделяю эту мысль полностью. Но что делать с прессой?

«Простите ж мне соблазны
и грехи
и вольные и тайные обиды »

— Соблазн изменить многое движет мной. Поэтому за «тайные и вольные обиды» простите, если они будут. Но подлости и вероломства от меня не дождутся ни друзья, ни враги...

Монолог Бориса Годунова по книжке читал

Юрий РОСТ.

Фото Павла КАССИНА.